

Его чемодан как раз выехал на ленте. Он протянул сильную руку и без видимых усилий снял тяжелый на вид темно-зеленый баул. Движение было четким и уверенным, мышцы предплечья при этом слегка напряглись.

Ли Янь невольно проследил за этим жестом, на мгновение задержав взгляд на крепких линиях его рук, прежде чем непринужденно отвернуться.

Он остро уловил слово «вернулся». Это означало, что собеседник, скорее всего, сам родом из Хаоцзина или, по крайней мере, когда-то здесь жил.

Ценная информация.

— За последние годы Хаоцзин сильно изменился, особенно метро — добавили целую кучу новых веток.

Ли Янь естественно поравнялся с Шэнь Ле и зашагал с ним к выходу, болтая как ни в чем не бывало:

— Если не знаете, куда идти или где что находится, спрашивайте меня. Я здесь вырос, все знаю.

Этими словами он не только продемонстрировал свое преимущество как местного жителя, но и вновь намекнул на готовность помочь, конкретизируя пользу от их «дружбы» и давая повод продолжить общение.

Шэнь Ле искоса взглянул на него. Юноша семенил рядом с безупречной улыбкой на лице, а в его ярких глазах читалось упорство, которое невозможно было игнорировать.

Он действительно плохо ориентировался в переменах Хаоцзина — слишком долго отсутствовал.

— Угу.

Шэнь Ле издал односложный звук, что сошло за ответ.

Он не привык к такой навязчивой общительности, особенно со стороны незнакомого молодого человека.

Но, как ни странно, отвращения он не испытывал.

Возможно, потому, что настрой парня был достаточно искренним, а может, потому что...

Лицо у него было приятное.

Получив ответ, Ли Янь еще заметнее растянул губы в улыбке.

Он почувствовал, как в твердой броне этого мужчины появилась крошечная трещина.

Он больше не спешил говорить, а просто тихо шел рядом с Шэнь Ле, соблюдая идеальную дистанцию — не слишком близко, чтобы не вызывать дискомфорт, но и не отдаляясь.

Двое мужчин — высокий и пониже, статный и крепкий рядом с красивым и лучезарным — создавали весьма приметный дуэт, притягивая взгляды прохожих.

Но оба, будучи в центре внимания, либо не замечали этого, либо им было всё равно.

Шэнь Ле размышлял о предстоящем маршруте и туманном будущем, а Ли Янь был полностью поглощен мыслями о том, как крепко и навсегда привязать к себе этот «экземпляр».

Эта атака в лоб, которую он начал, была лишь первым шагом.

А Ли Янь всегда был отличным игроком.

Мужчина, подобный пламени

Коридор зала прибытия казался бесконечным, гладкий пол отражал спешащие фигуры.

Шэнь Ле катил тележку с багажом; металлические колеса мерно постукивали, этот звук отчетливо выделялся в общем шуме.

Ли Янь шел сбоку, на расстоянии полушага — идеальная дистанция, чтобы не нарушать личное пространство, но при этом четко обозначить свою позицию.

Молчание между ними не было неловким, в нем чувствовалось тонкое напряжение.

Шэнь Ле привык к тишине, годы службы приучили его действовать, а не говорить. Ли Янь же терпеливо ждал момента, чтобы заговорить снова.

Он был подобен опытному охотнику: прекрасно понимал, что с чересчур осторожной целью излишняя настойчивость лишь навредит.

— Кстати, раз уж мы так долго общаемся, а как я могу к вам обращаться? — Ли Янь заговорил вовремя, голос звучал чисто и непринужденно, а взгляд был полон искренности.

Шэнь Ле не остановился, лишь бросил взгляд на Ли Яня.

У парня были чистые глаза, в них светилось естественное любопытство. Вопрос был вполне уместным.

Он приоткрыл тонкие губы, голос прозвучал низко и уверенно:

— Шэнь Ле. Ле — как от слова пламя.

Ли Янь попробовал имя на вкус, в его глазах промелькнуло восхищение:

— Шэнь Ле. Пламя... — повторил он, будто пытаясь выгравировать каждое слово в памяти. — Имя под стать владельцу: жгучее и сильное.

Он помолчал, разглядывая зрелое, мужественное лицо Шэнь Ле с умеренным интересом:

— А... можно спросить, сколько вам лет? Вы выглядите очень молодо, но при этом такой рассудительный.

Шэнь Ле встретился с этими яркими глазами-персиками. Вопрос был естественным и не казался наглым.

— Двадцать восемь, — кратко ответил он.

— Двадцать восемь... — в глазах Ли Яня стало больше улыбки. — Значит, мне стоит называть

вас брат Шэнь. Мне девятнадцать.

Эта разница в возрасте заставила сердце Ли Яня дрогнуть.

Двадцать восемь — возраст, когда мужчина теряет юношескую неловкость и обретает самую притягательную зрелость, особенно такой «экземпляр», как Шэнь Ле, от которого так и веяло тестостероном. А его собственные девятнадцать — идеальное время для напора и энергии. Сочетание просто безупречное.

Они как раз дошли до более широкого участка коридора, где толпа немного поредела. Рядом были огромные панорамные окна, послеполуденное солнце падало под углом, заливая пол светлыми пятнами.

Сейчас.

Ли Янь, не колеблясь, естественно засунул правую руку в карман брюк — движение было таким отточенным, будто он репетировал его сотни раз.

Секундой позже он достал телефон, быстро провел пальцем по экрану, и на нем высветился черно-белый QR-код WeChat. Экран бликовал на солнце.

Он повернул телефон к Шэнь Ле, на лице играла улыбка, в которой смешались искренность и легкое ожидание.

— Брат Шэнь, может, обменяемся WeChat? — Ли Янь говорил легко, перейдя на более близкое обращение. — Если в Хаоцзине понадобится помощь или захотите с кем-то прогуляться, всегда можете мне написать.

Он не сказал «свяжитесь со мной», он предложил более приземленное «обменяемся WeChat». Он поставил себя в позицию местного гида и друга, что выглядело чисто и не вызывало агрессии.

Шэнь Ле посмотрел на экран телефона, внезапно возникший перед глазами, и на красивое улыбающееся лицо за ним. Он едва заметно помедлил.

WeChat.

Эта просьба была шагом дальше, чем просто знакомство, она подразумевала установление более прямого и личного канала связи.

В армии, за исключением самых близких сослуживцев, он редко делился личными контактами. Вернувшись к гражданской жизни, он подсознательно чувствовал, что они с этим лощеным студентом — люди из разных миров, у них не должно быть точек соприкосновения.

Он поднял глаза и снова встретился со взглядом Ли Яня.

Глаза парня светились, в них отчетливо отражалась его фигура. Взгляд был настолько прямым, что почти обжигал, в нем сквозило упорство, не терпящее возражений.

Лицо у парня было слишком хорошим: черты изящные, словно выточенные, но при этом нет никакой женственности, наоборот — ощущение чистого, солнечного юноши. Трудно отказать такому лицу.

И к тому же...

Шэнь Ле был вынужден признать: под таким пристальным, почти горячим взглядом где-то в глубине души шевельнулось едва уловимое, странное чувство.

Давно забытое ощущение того, что ты кому-то очень нужен.

Отказ, уже готовый сорваться с языка, застрял в горле.

Из вежливости и из-за легкого замешательства перед этой прямотой, он молчал две секунды, кадык на его горле дернулся, и наконец он произнес:

— ...Можно.

Голос остался низким и бархатистым, но в нем проскользнула едва слышная заминка.

Сказав это, он достал свой телефон. Это был старый защищенный армейский аппарат, массивный, который очень гармонично смотрелся в его крупной, мозолистой руке.

Разблокировка, вход в WeChat — движения были немного неуклюжими.

Сердце Ли Яня чуть не выпрыгнуло из груди, но железная выдержка позволила ему идеально скрыть восторг, лишь глаза стали еще теплее. Он уверенно держал телефон, чтобы код был в зоне сканирования.

Шэнь Ле навел камеру. Раздался тихий звук успешного сканирования.

— Готово, — коротко сказал Шэнь Ле, убирая телефон.

Он даже не взглянул на высветившееся уведомление.

— Принято! — Ли Янь был явно доволен. Он быстро нажал кнопку подтверждения.

Видя в списке контактов новый номер, состоящий из случайного набора цифр и букв, он не смог сдержать улыбку.

Самый важный шаг сделан.

Подавив желание тут же зайти в ленту новостей нового знакомого, он убрал телефон в карман и посмотрел на Шэнь Ле:

— Не буду вас задерживать. Брат Шэнь, на связи!

Он махнул рукой, улыбнулся и, не оборачиваясь, решительно зашагал в сторону, противоположную стоянке такси — к лифту, ведущему на подземную парковку.

Его походка была легкой и уверенной, спина прямой. Белая рубашка выделялась в толпе.

Шэнь Ле стоял на месте, глядя, как высокая фигура растворяется в людском потоке.

Он опустил взгляд на экран телефона: имя контакта — одна простая буква, на аватарке — силуэт человека на фоне баскетбольной площадки.

Такой же яркий, как и он сам.

Шэнь Ле помолчал несколько секунд, погасил экран и сунул телефон в карман.

Он покатил тележку к стоянке такси.

Аэропорт гудел, люди спешили.

Только в его списке контактов появился незнакомец.

А Ли Янь, уже сидя в машине, смотрел на аватарку по умолчанию, кончиками пальцев коснулся экрана и привычно нажал «изменить имя», вбив: Шэнь Ле (Пламя/28).

Сделав это, он откинулся на спинку сиденья, вспоминая прошедшие десять минут.

От мимолетного взгляда до прямой атаки и получения контакта... Каждый шаг шел точно по плану.

Шэнь Ле.

Двадцать восемь лет.

Ли Янь постукивал пальцами по рулю, в его красивых глазах горел азарт охотника.

Охота началась.

А он всегда был самым терпеливым охотником.

Выпрямить спину

Такси выехало с аэропортовского шоссе и свернуло в центр Хаоцзина. За окном мелькали высотки, загорались неоновые огни, окрашивая вечернее небо в дымчатые тона.

Шэнь Ле откинулся на заднее сиденье, наблюдая за городом — одновременно знакомым и чужим.

Десять лет службы, дома бывал считанные разы, и каждый раз город менялся. Дороги стали шире, здания — выше, даже воздух теперь был пропитан суетой, не похожей на армейскую.

Машина въехала в старый жилой двор. Старая софора все так же раскидывала ветви, хотя ствол стал намного толще. Стены домов, покрытые следами времени, казались миром, далеким от внешнего города. Здесь время текло медленнее.

— Шеф, остановите здесь, — Шэнь Ле указал на подъезд.

Звук потревожил бродячую кошку, спавшую у клумбы; она настороженно дернула ушами, посмотрела на высокого незнакомца и лениво опустила голову обратно.

Оплата, выход из машины, багаж в руки. Все движения выверены.

Он стоял под окнами и смотрел на знакомое окно третьего этажа. Там горел теплый оранжевый свет — маяк, указывающий путь домой.

Невыразимое чувство наполнило грудь, разгоняя остатки тревоги. Он глубоко вдохнул — воздух был пропитан ароматами домашней еды. Жизнь.

Он поднялся по узкой лестнице, ступени которой были стерты временем. Каждый шаг

отдавался гулким эхом в тишине подъезда.

У двери на третьем этаже — темно-зеленая стальная дверь, все та же, что и в памяти, только весенние парные надписи на ней новые, «Мир и благополучие» — краска еще свежая.

Он не успел постучать — дверь щелкнула и открылась изнутри.

Словно почувствовали.

Мать, Ван Гуйлань, стояла в дверях в фартуке, седые волосы собраны в аккуратный пучок. На лице — радость, смешанная с волнением, глаза слегка покраснели. Отец, Шэнь Цзяньшэ, стоял позади, заложив руки за спину, пытаясь сохранить привычную строгость, но подрагивающие губы и влажные уголки глаз выдавали его состояние.

— Папа, мама.

Шэнь Ле заговорил, голос стал мягче, с едва уловимой хрипотцой. Он поставил багаж. Его двухметровое тело едва помещалось в низком дверном проеме.

— Ой! Вернулся! Вернулся, и слава богу! — Ван Гуйлань шагнула вперед, пытаясь взять чемодан, но поняла, что не поднимет его, и схватила сына за руку, оглядывая его с ног до головы. — Похудел, загорел... Натерпелся там, небось.

— Нет, мам, не натерпелся.

Шэнь Ле позволил матери держать себя, слегка наклонившись, чтобы ей было удобнее. Этот железный человек, способный покорять скалы и маршировать с тяжелым грузом, сейчас казался таким послушным.

— Главное, что вернулся. Чего стоим в дверях? Заходи, на улице холодно, — Шэнь Цзяньшэ откашлялся, стараясь говорить ровно, и посторонился.

Шэнь Ле вошел в дом — знакомый и одновременно чужой. Гостиная небольшая, простая, но уютная. Старый деревянный диван, стеклянный столик, на стене — пожелтевшие фотографии и его собственное фото в армейской форме, когда он был совсем юным.

В воздухе витал густой запах тушеных ребрышек и куриного супа — самый желанный вкус детства.

— Иди в свою комнату, вещи брось, руки помой, сейчас обедать будем. Отец специально ребрышки купил, весь день тушил, они такие нежные, — щебетала мать, суетясь на кухне.

Комната осталась такой же, как при его отъезде: синяя скатерть на столе, серое постельное белье, книги на полках — лишь тонкий слой пыли. А вот золотистый эппремнум на подоконнике разросся так, что плети свисали до пола — мать явно ухаживала за ним.

Он поставил сумки, огляделся, и на душе стало спокойно. Это была точка отсчета, а теперь стала гаванью.

Помыв руки, он прошел к столу.

Стол ломился от еды: красные ребрышки, жареная рыба, брокколи с чесноком, дымящийся суп. Все, что он любил.

— Садись, садись, устал с дороги? Выпей супа, согрейся, — Ван Гуйлань налила полную миску и положила туда большую куриную ножку.

— Спасибо, мам.

Шэнь Ле взял ложку. Суп был наваристым, горячим — тепло разлилось от горла до самого сердца.

Отец достал бутылку водки и две рюмки:

— Давай, выпей с отцом. За возвращение.

— Хорошо.

Шэнь Ле чокнулся. Жгучая жидкость обожгла горло, оставляя тепло.

Родители не сводили с него глаз. Мать постоянно подкладывала еду, глядя, как он ест, с такой любовью и жалостью.

— В этот раз... насовсем? — Шэнь Цзяньшэ сделал глоток и спросил как бы между прочим, но в глазах читался вопрос.

— Да, насовсем. Все документы оформлены, — Шэнь Ле кивнул.

— Ну и хорошо, ну и хорошо... — мать облегченно выдохнула, словно с плеч упал тяжкий груз.

— Вернулся — и ладно. С работой не спеши, отдохни, я тебя подкормлю.

— Верно, здоровье — это главное, — подтвердил отец и добавил с беспокойством: — А что там в армии говорят насчет демобилизованных? Есть какие-то варианты с трудоустройством?

Рука Шэнь Ле с палочками едва заметно дрогнула. Он опустил их, сделал глоток водки и ответил ровным голосом:

— Я подал на увольнение с выплатой пособия.

— Увольнение? — мать непонимающе посмотрела на мужа.

Отец, очевидно, был в курсе, нахмурился:

— То есть без распределения, просто выплата по выслуге лет? — он посмотрел на сына с тревогой. — Почему выбрал это? Разве нельзя было...

— Папа, мама, — Шэнь Ле перебил его, глядя в обеспокоенные лица. — Сейчас конкуренция высокая, достойных мест мало. Деньги на руках — это свобода. Я подумаю, чем заняться, может... попробую свое дело открыть.

Он старался говорить легко и уверенно, чтобы не волновать родителей. Но за десять лет в армии он почти выпал из жизни общества, и начать свое дело было ох как непросто. Пособие — это деньги, которые тают с каждым днем.